

Данил Казаков

Всё в прошлом.

Записки социального
работника.

Данил Васильевич Казаков Всё в прошлом. Записки социального работника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28516018

SelfPub; 2018

Аннотация

Короткие заметки социального работника о своих подопечных. Её забота превышает границы её прямых обязанностей. Она переживает за своих подопечных, разговаривает с их родственниками, требуя, чтобы они немедленно навестили старика. Она пристраивает собаку умершей и даже стремится напугать её детей, наивно намекнув, что наследство отошло социальной защите населения. Она внимательно выслушивает одиноких стариков и не даёт окончательно спиться сожителю женщины-инвалида.

Содержание

Бывшая воспитательница	10
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Тамара Аркадьевна, высокая, худощавая, с немного вытянутым лицом, с прекрасными, словно у куклы, голубыми глазами, тонкими строгими губами и острым носиком почти каждую планёрка начинает словами.

– Работа ваша, девушки, не спорю, тяжёлая, ответственная, но очень важная, нужная людям, пусть и не благодарная.

– И очень мало оплачиваемая, – словно чёрт дёргает меня за язык. Но прописные истины, сказанные с апломбом, меня раздражают: словно мы сами ничего не понимаем. Только статус нашей начальницы даёт Тамаре Аркадьевне право говорить так напыщенно и важно. Она смущается, худыми длинными руками с золотыми колечками на тонких пальцах, порхает над бумагами, словно ищет у них поддержки, тяжело вздыхает, осуждающе смотрит на меня и продолжает.

– Вы с людьми работаете, да ещё с такими пожилыми. А с ними нужно быть особо терпеливыми, чуткими, внимательными.

Последние слова её мне особенно не нравятся: хорошо так рассуждать, да ещё в этой уютной, тёплой комнате с чайником на столе, с цветами на окнах, с фотографиями, развешанными на окне, с тёплым паласом на полу. А попробуй походить по грязным улицам, поползать по сугробам, сторонясь от собак, поухаживать за сердитыми, не улыбочливыми, капризными стариками, которые редко бывают тобой довольны. Меня спасает правило: когда хочется поспорить, но лучше воздержаться, чтобы не испортить отношения, то

я тихонько прикусываю себе кончик языка и отвлекаюсь на постороннее. За окнами нашего офиса, в углу двора, у железного забора притаился высокий, с зеленоватым стволом, тополь. В его кроне свила гнездо пара серых лохматых ворон. Я часто вижу их, сидящих на верхушке дерева или широко распластав крылья, парящих на уровне моего окна. На мусорных баках приюта они выискивают съестное для своих птенцов.

Я вспоминаю о своих „птенцах„. Присмотрит ли Лера за Сашей? Не уедет ли Димка далеко на велосипеде? Подогреет ли дочка братьям суп, или они так и будут есть его холодным?

– Надо провести с населением работу, девушки, – словно издалека доносится до меня голос Тамары Аркадьевны, и все настораживаются. Оля, Маша, две Наташи, Семёновна, Люся и Лена отвлекаются от своих дум, придвигаются ближе, внимательно слушают. – Тебя, Лидия Максимовна, это особенно касается. – Это месть за моё высказывание. Я киваю головой в знак согласия, ибо всё нужное, касающееся моих подопечных, внимательно выслушиваю. – Мошенники часто заходят к одиноким пожилым людям, втюхивают им дорогие, не нужные им лекарство, какие либо приборы. А то и звонят по телефону, намекают о несчастье с сыном или дочерью и тоже выманивают денежки.

Тамара Аркадьевна говорит громко, приводит примеры, и тут я вполне солидарна с ней. Бедные старушки живут

детьми, и им только намекни о несчастье с ними – они и себя готовы отдать, чтобы помочь детям. Все мои подопечные выросли при социализме, (в тепличных условиях по сравнению с нашим временем), не научились элементарной настойчивости. Они ходят быть здоровыми, ходят верить людям, и любые деньги, все свои сбережения готовы отдать за мифическое лекарство. В общем, ничего нового: об этом я каждую неделю напоминаю своим старикам. Но девушки разговорились. Каждой непременно хочется уверить начальницу в своей добросовестности. Семёновна машет сухоньким кулачком снова, и снова повторяют, как она одна не побоялась выставить цыганку из дома. Допустим, не цыганку, а просто нищенку, и не выставила, а всего лишь отогнала от дома, но инцидент был, и даёт право Семёновне выставить себя в лучшем виде.

Не выдерживают и обе Наташи, тёмненькая и светленькая, Порошина и Исупова, тоже вспоминают про свои подвиги. Когда они тоже пресекли попытку нахального парня всучит их подопечной простенький, и очень дорогой приборчик, якобы помогающий от всех болезней.

– Я так ему прямо и сказала! – клянётся Порошина.

– Милицией пригрозила – тогда только вышел! – не отстают от неё Исупова.

Оля и Маша, обе стройные и высокие тоже, удивляясь их наглости, возмущаются мошенниками. Люся и Лена молчат, не вмешиваются. Они не первой молодости, лёгкие морщин-

ки притаились в уголках глаз, ногти без маникюра, просто коротко подстрижены. Полные губы позабыли о помаде, короткие темно русые волосы прибраны дешёвой заколкой. У них, как у меня, дети школьного возраста. Им сейчас важнее не показать, какие они умные, серьёзные и ответственные, а быстрее закончить работу и вернуться к семейным заботам. Боясь задержать планёрку, Люся задумчиво смотрит перед собой, мигая узкими карими глазами. Я послушно киваю головой. Сегодня пятница: и мне нужно обойти всех своих подопечных, а у меня их пятеро – Всё, девушки, я вас больше не задерживаю, – объявляет Тамара Аркадьевна долгожданную фразу. Все облегчённо зашевелились, встали, и всё же пришлось задержаться у дверей. Начальница не удержалась, снова напомнила о записях в тетрадях, о документации, которую нужно содержать в идеальном порядке.

Мы осторожно спускаемся вниз по узкой, тёмной лестнице с шаткими перилами. Офис наш расположен в здании приюта, и мы проходим мимо горки, маленького домика, кучи песка и карусели. На участке много цветов, ноготков, маргариток, космеи. Вдоль дорожек цветут пахучие бархатцы. Все цветы мелкие, яркие, чтобы несознательные граждане, особенно неугомонная молодёжь не соблазнилась их сорвать. Детскую площадку украшают самодельные изделия из „цветных полтарашек,“. Растут высокие „пальмы,“, цветут голубые „незабудки,“ и белые „ландыши,“. Из старого колеса искусно вырезан и покрашен белый «лебедь»

Полноценная замена дорогим фабричным изделиям, но и всё хорошее должно быть в меру. Возле «лебедя» валяется большая кукла, видимо предназначенная изображать юнната. Я всегда вздрагиваю при виде этой огромной валяющейся куклы, одетой в настоящую детскую кофточку, в штанишки с ботиночками, так напоминающую неживого ребёнка. О вкусах не спорят. Женщины красуются в открытых платьях, лёгких кофточках. Они не спеша заходят в магазины, гуляют в парке, загорают на пляже. А мы в серых джинсах, будничных кофточках торопливо закупаем продукты для своих подопечных. Обязательно хлеб, молоко, немного колбасы, рыбы, иногда конфеты, консервы, яйца, печенье или пряники. Обязательно нужно сохранить чеки и по возможности выбрать дешёвое, но вкусное и свежее

Первая моя подопечная живёт на окраине города, рядом с высокими соснами, рядом с которыми притаился быстрый родничок. От остановки до её маленького потемневшего домика с сиреню перед окнами мне приходится добираться мимо длинного высокого, железного забора. Там, в глубине двора виднеется высокий дом из белого кирпича, с широкими пластиковыми окнами, охраняемый чёрной овчаркой. Ко мне она уже привыкла и лишь коротко взлаивает, напоминая о своём присутствии. Перед домом широкой поросль поднялись георгины, рядом с ними соседствуют гордые гладиолусы. По сторонам, в тенёчке приютились пышные хризантемы. Оставшееся место занимают не прихотливые ноготки

и маргаритки. Их соседи лучше место перед домом отвели под огурцы. Мимозу, растущую у них раньше в садике, выставили на улицу, обезопасив её тремя широкими колесами. На окраинах города в последнее время построили много просторных, добротных домов, не жалея на строительство ни земли, ни материалов. Рядом с ними соседствуют маленькие домишки немощных хозяев, или оставленных ими под дачи.

Бывшая воспитательница

У дома моей подопечной, сквозь давно проложенный асфальт, густо разрослись крупные подорожники. У калитки навалены не поддавшиеся расколке, приспособленные для сиденья, крупные, широкие чурбаки. Рядом с высоким лопухом часто желтеет одуванчик, вдали белеет ромашка. Ольге Петровне ещё далеко до пенсии, но она перенесла инсульт и теперь инвалид. Иногда мне хочется её очень ругать: не пила бы, так ходила бы на своих ногах, не валялась бы в постели, говорила бы нормально. Мне очень жалко её, ведь я знаю её с малых лет – она была моей воспитательницей. Я помню её густые, коротко подстриженные русые волосы, задорные голубые глаза, маленькую, полную фигуру с красивыми руками с аккуратным алым лаком. Как забавно на праздниках она изображала толстого Карлсона, радостно играла Снегурочку, даже Баба Яга в её исполнении выглядела весёлой, не страшной. Она всегда хвалила меня за лепку, за рисунки, впрочем, она всех ребят хвалила.

И все ребята нашей группы любили её. У меня в детстве был яркий огонёк (после мамы, конечно) который меня всегда утешит, успокоит, поймёт. Тем горше сейчас мне видеть её беспомощной, слабой в давно требующей ремонта, комнате. Потемневший потолок, когда то розовые, а сейчас выцветшие, грязно-серые обои, вытертый пол, который даже

после мяты всё ровно кажется грязным. Допотопный сервант с толстыми стёклами с остатками чашек белого и синего чайного сервиза, парой голубых рюмок, высоких белых бокалов. Всё, что осталось от подарков родителей, даривших её на выпускной, на восьмое марта. На столе вылинявшая синяя скатерть, на окнах зелёные мятые шторы с маленькими дырочками. Ярким пятном выделяется красочный календарь с пышно цветущими красными розами. Это я прилепила, пожалев свою бывшую воспитательницу. Я и фиалки ей принесла, пусть цветут, радуют глаз. Ольга Петровна сейчас очень не требовательна. Она рада и цветам, чистому постельному белью, цветной картинке на стене, свежему салату, мясному супу. Половина мозга, говорят, у неё не работает. Она живёт почти как растение? Но, для меня она прежняя Ольга Петровна, хотя сейчас невозможно понять её. Она всегда смотрит испуганными глазами, боясь, что её не поймут. Она усиленно шевелит мокрыми губами, силясь рассказать, но понятно у неё получается только Литья – так она сейчас называет меня. Она размахивает одной рукой (вторая у неё плохо шевелиться), крутит головой, морщит губы, мимикой старается заменить отсутствие своей разборчивой речи. А рядом сидит мужик, её сожитель. Он, усмехаясь, переводит её речь.

– У неё новое платье, – сказал он мне однажды.

Инвалидка радостно закивала головой, вытащила из – под одеяла синие платье, купленное мной пару дней назад, пока-

зывая какое оно у неё новое, красивое и пока чистое. Первый муж её, отец её дочери, к сожалению, ушёл к другой женщине. А этот, Игорь нигде не работает, почти бомж, живёт на её содержании. Он здоровый, сильный, спокойный, вполне безобидный. Кому дрова расколет, кому воды из родника принесёт, дорожки зимой разгребёт, вот и наскребёт себе на пиво. Его широкое лицо с круглыми наивными глазами постоянно улыбочиво, а руки он всё время держит перед собой, словно защищаясь от нападения, от презрения знакомых и соседей. С ним она и запила. Мне всегда хочется выгнать его. Он такой ленивый, не может даже поправить сенки – так расшатались половицы. Не может отремонтировать крышу – она протекает. На лестнице ступеньки расшатались, он и их не может приколотить. Сидит в синем спортивном костюме, усмехаясь, переводит „речь,, Ольги и то не всегда. Как то я не могла разобрать, что же моя подопечная заказывала мне купить? Она очень старалась. Размахивала рукой, кривила губы, с досады хмурила брови, в отчаянье крутила головой, закрывала глаза. Она готова была расплакаться, когда я вспомнила нашу детсадовскую игру.

– Это едят? – спросила я. Ольга Петровна радостно закивала головой.

– Растёт в огороде? – и снова угадала!

– Это красное? – Ольга Петровна в негодовании хмурится. – Это зелёное? – Пытаюсь угадать я.

Ольга Петровна весел хлопает меня по плечу. В конце ока-

залось, что моя подопечная хочет солёную капусту.

– Капусту мы нынче не садили, – признаётся Игорь. Они вообще огород не сажали. Огород засаживает её бывшая свекровь, да и дом принадлежит ей. Не гонит бывшую сноху из дома, оставляет ей немного картошки, свеклы и морковки и то хорошо. На Игоря не приходится рассчитывать. Он крадучись продолжает выпивать. Дружки его, собутыльники живут в соседних домах. Я лишь догадываюсь об его выпивках по его красному носу, по его болтливости, по бутылкам, брошенным в снег или торчащим из зарослей крапивы.

– Только попробуй ещё раз напиться! – кричу я на него, стучу по столу рукой.

– Я ничё, я нет! – он испуганно отодвигается от меня, – это они проходили мимо, так набросали бутылок, – он неопределённо машет рукой в сторону.

– Литя, Литя! – Ольгу Петровну беспокоит мой разговор с её Игорем. Она быстро, горячо объясняет мне, захлёбывается слюной, силится встать. Я укладываю её обратно, улыбаюсь, успокаиваю: да, да, я всё поняла, я с ней согласна. Пусть она успокоиться. Я понимаю, что без Игоря, без этого молчаливого, безобидного выпивохи, жизнь моей подопечной будет ещё тяжелее. Хоть живой человек живёт рядом с ней. Но ему нельзя давать расслабляться, а то выпивки его перейдут в затяжные запои.

Но, сегодня Ольга Петровна встречает меня особенно радостно.

– Литя! Литя! – кричит она, подскакивая на диване, наклоняясь, поглаживает мягкий пушистый, толстый широкий прекрасный бежевый плед, расстеленный по постели.

– Откуда это!?! – поражаюсь я. – Откуда такая роскошь у инвалидки в её ветхом домике со старой мебелью, с бедным украшением? Ольга Петровна даже взвизгивает от нового прилива радости, вызванного моим удивлением.

– Литя! Литя! – громче кричит она и лихорадочно хватается мою руку и тянет её к пледу, чтобы и я убедилась какой он мягкий и тёплый.

– Откуда такое богатство? – спрашиваю я у Игоря, как всегда при мне сидящим у окна на твёрдом стулу. Он морщит широкие губы, хмурит лоб и тоскливо сообщает.

– Ленка её приехала, на две недели, говорит. Приводила папку своего, живи, мол, с матерью вместе. Да, разве он сюда пойдёт? Из благоустроенной квартиры, от здоровой жены да в эту халупу к ...

– Замолчи! – хоть он и понизил голос, но я не дала ему договорить. Моя подопечная подползла к краю дивана, прислушивалась к нашему разговору. Зачем лишний раз расстраивать её напоминанием и о болезни, и о бывшем муже? Какой бы он не был, а она его, наверно, по – прежнему любит. И он в любом случае лучше Игорька, раз сумел сам и квартиру купить, и там ещё два сына растёт. Игорёк ревнует и рад, что бывший муж к Ольге не возвращается, хоть и ругает его.

– Сегодня Ленка заставляла меня на огород её таскать, –

он кивает на Ольгу Петровну и говорит горделиво, не много рисуясь, улыбаясь моей подопечной, призывая её в свидетели. Сила есть, чего в тёплый день не вынести маленькую Ольгу в огород? Самому можно было бы догадаться. Ольга понимает наш разговор, она снова тянет меня к себе, быстро двигает рукой, вверх-вниз, и снова смеётся, по своему лепечет.

– Она быстро-быстро смородину собирала, – переводит её жест Игорёк.

Ольга радостно подскакивает на постели, бормочет громче и быстрее, машет рукой, кивает головой, даже слёзы выступают у неё из глаз, с губ срывается слюна: да, да, это правда – она была сегодня в огороде, собирала ягоды! Литя, ты можешь поверить в это?

Какая мелочь, огород мне уже надоел, ягоды тоже, а для неё это целое событие, от судьбы царский подарок! Лет пять она уже не была на улице. Я сажусь рядом с моей подопечной, успокаивая, прижимаю её к себе. Какая она мягкая, слабая и послушная. У неё маленькая морщинистая рука, дряблая кожа. Когда то и она так же успокаивала меня, когда мне вдруг хотелось увидеть маму. Сейчас моя очередь успокаивать её.

Ленка приехала – это и для меня событие. С родственниками наших подопечных у нас, социальных работников всегда найдутся претензии друг к другу. Мы можем упрекнуть их в плохом исполнении сыновнего или дочернего дол-

га. Они тоже могут нам гневно бросить упрёк: за что вам только деньги платят? Социальные работники для того даже нужны, чтобы с молодых лет о старости не думать. Как там жизнь ещё сложится, а человек будет уверен, что и в старости не останется он без присмотра, без помощи. Конечно, мы родных людей не заменим, мы только пытаемся. Надеюсь, что Лена со мной согласна.

Леночку я запомнила ещё по школе, она училась на класс ниже. Считалась смелой и умной красавицей, одна из немногих девочек, занимавшихся в карате и хорошо стрелявших в тире. Что он скажет мне сейчас? Какие предъявит претензии? Я все свои обязанности исполняю полностью. Обед варю, стираю, пол мою, в магазин хожу, даже с моей напарницей Ольгу иногда купаю в ванне. Но, всегда можно сделать и больше. Шторы постирать, а то и купить новые. Скатерть сменить. Но моя подопечная ничего не просит, Игорёк не смеет требовать. И все мои намерению остаются лишь добрыми пожеланиями.

– Литя! – прерывает мои размышления Ольга Петровна. Она отчаянно хлопает рукой по пледу, быстро что-то неразборчиво бормочет, указывая рукой на окна, на стены, на потолок.

– Приезду дочери радуется, – снова помогает мне понять её мысль Игорёк. – Две недели, говорит, пробудет. Ремонт обещает здесь сделать. Да, вот и она.. Игорёк быстро замолкает, хмурится, крепче прижимает к груди длинные, волоса-

тые руки

Не слышно, отодвинув полинявшую шторы, отделяющую комнату от прихожей, в комнату вошла гостья с мягкой улыбкой на узких губах, с настороженным взглядом ярко голубых глаз, очень похожая на Ольгу Петровну в молодости, только в лучшем исполнении. Даже в лёгком, детском лёгком красноватом платье, явно поношенном и тесноватом ей, в растоптанных синих тапочках, без макияжа и помады она смотрелась словно леди, красавицей, хозяйкой, немного чужой в этой запущенной, не прибранной квартире. Может, спинку она держала прямее, смотрела строже, но сразу чувствовалось присутствие хозяйки. Игорёк не выдержал, быстро встал, даже вытянулся. Меня тоже потянуло подняться, скрестить руки на груди, защищаясь возможного словесного нападения. Пришла хозяйка, для нас почти начальница. У неё можно попросить совета, она иногда может за тебя заступиться, но она всегда потребует у тебя отчёта. Она требовательно взглянула на Игоря. Он растерянно улыбнулся, показал на меня пальцем.

– Она помогает нам, ухаживает за твоей матерью. Приходит это... почти..

– Я социальный работник, – прервала я его вялые разъяснения, посмотрела строго осуждающе, готовая отстаивать все права всех социальных работников.

– Очень хорошо! – Лена дружески и покровительственно похлопала меня по плечу, – я вам так благодарна за маму!

Насколько я могла от неё понять, она вас очень любит! Я, конечно, плохая дочь, пять лет не была на родине. Но, – тут же поправилась она и горько, но с неуловимым превосходством усмехнулась,

– не два горошка на ложку. Зато сейчас у меня с мужем есть завод керамических плиток. Он требует забот, сил, но и даёт устойчивое положение в обществе. Сейчас я могу помочь матери, за пару недель сделаю здесь всё, что возможно. Надо всё покрасить, побелить, отремонтировать крышу, сенки, вставить пластиковые окна. Мама моя пока поживёт у моей бабушки. Я сейчас договорилась с ними: они приютят её на пару недель. А Игорёк будет следить за ремонтом и помогать рабочим, нечего ему штаны просиживать.

Она даже не взглянула на мужика, не считаясь с его желанием. А тот мелко закивал головой, радуясь своему участию, которое может дать ему хоть призрачное право и дальше проживать здесь. Она присела на постель матери, обняла её за плечи, ласково уговаривая перейти пока пожить к бывшей свекрови.

Ольга Петровна с робостью и с восхищением смотрела на дочь.

– Отец мой придёт, – настойчиво продолжала она, – я заставлю его скамейку сделать у калитки. Удобную скамейку с низким сиденьем, тебе же тяжело высоко подниматься, с высокой спинкой, чтоб не задувала. И пусть обобьёт скамейку, то есть почти диван, чем мягким, кожаным, чтобы не намо-

кало, и тебе удобней было сидеть. – Лена нахмурилась, ожесточились глаза, она смотрела мимо матери, и уже не спрашивала у неё согласия, а только докладывала, что так будет: ибо она, Лена, так хочет! Ольга Петровна тормозила дочь за руку, жалостливо улыбалась, тихо покачивала головой, почти отчётливо выговорила: неть. Игорёк тут же озвучил её желание.

– Она не хочет его прихода.

Лена небрежно махнула в его сторону рукой, тяжело вздохнула и сделала уступку матери: – этот тип, если ты не хочешь его видеть, то и не зайдёт сюда. Но работать на тебя я его заставлю.

Как я поняла, тот высокий кирпичный дом, мимо которого я часто хожу, принадлежит бывшей свекрови Ольги Петровны, бабушки Лены, вернее её сыну. Сын её владеет в городе большим магазином, и внучка, выходит тоже не робкого десятка, не чета мне или Игорьку. Свой долг перед матерью она выполнит за полмесяца, и мать её будет довольна. Я завидовала гостье. Мне никогда не заняться своим бизнесом, не построить завода, не заведовать офисом, как Тамара Аркадьевна. Я способна лишь помогать таким как Лена: освободить её от ежедневного ухода за её матерью. Не два горошка на ложку. Горькая истина смутила меня, поставила на одну сторону с Игорьком.

– Я вам благодарна, очень благодарна! – прерывает Лена мои горестные размышления. Мы медленно выходим на ули-

цу. Ближайшие две недели за матерью она поухаживает сама. – Было бы очень хорошо, если бы вы взяли номер моего мобильного телефона, иногда позвонили бы мне. Или лучше я вам сама позвоню, когда вам будет удобнее? ...– Она медленно подбирала слова, выжидающе, с тревогой смотрела на меня. Она хотела добиться от меня согласия и боялась получить отказ. Как бы богата и успешна она не была, но сейчас Лена зависела от меня, от моей доброты. Притворяясь недовольной (чтобы больше ценили), в душе я всё же рада была услышать её просьбу. Мне нравилось быть причастной к судьбе Лены – леди, хозяйки своей судьбы. Я даже дала себя уговорить раз в месяц получать от неё немного денег, которые я непременно истрачу на Ольгу Петровну. Я гордилась таким доверием, ведь Игорьку такое не поручат.

Супруги Авериные

Старость – не радость, говорят умные люди. Стар, что мал, соглашаются с ними другие. У стариков и детей много общего. Они не работают, у них мало сил,

они плохо соображают, зависят от туалета, капризны, часто болеют. Только один из них стоит на старте жизни, а другой, увы, на финише. Ребёнок расцветает, набирается сил, а старики слабеют, затухают, у них всё в прошлом, они обуза для общества. Мне хотелось так рассуждать, направляясь к Авериным. Если Ольга Петровна всегда встречала меня с радостью, то Мария Ивановна мною была всегда не довольна. Ей всегда хотелось получить от меня больше, чем положено,

предписано нашим договором. Мария Ивановна, это Лена в старости. Ей бы родиться чуть попозже, не при социализме: когда богатства опасались, делового человека считали спекулянтом. Сейчас бы Мария Ивановна тоже организовала артель или малое предприятие. Способности с предприимчивости у неё есть. Все мои подопечные огород отдали соседям или родственникам, а старики Авериные сажают сами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.